

УДК 159.923

DOI: 10.34670/AR.2026.80.92.015

Экзистенциальная изоляция как психологический феномен: современное состояние исследований и методологические противоречия

Апреликов Дмитрий Дмитриевич

Аспирант,
Московская международная академия,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 44;
e-mail: aprelikovd@bk.ru

Аннотация

В статье представлен критико-аналитический обзор современных исследований экзистенциальной изоляции как психологического феномена. Актуальность темы определяется ростом интереса к экзистенциальным основаниям одиночества, отчуждения и нарушенной межличностной связанности. Цель работы — систематизировать основные направления изучения экзистенциальной изоляции и выявить методологические противоречия её концептуализации и измерения. Исследование выполнено как обзорно-аналитическое обобщение отечественных и зарубежных публикаций. Научная новизна заключается в сопоставлении философско-клинической, феноменологической и психометрической традиций и в обосновании многоуровневого понимания феномена. Показано, что экзистенциальная изоляция описывает переживание принципиальной несоразделённости субъективного опыта. Сделан вывод, что её дальнейшее изучение требует сочетания психометрических, феноменологических и клинико-психологических подходов.

Для цитирования в научных исследованиях

Апреликов Д.Д. Экзистенциальная изоляция как психологический феномен: современное состояние исследований и методологические противоречия // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 4А. С. 108-116. DOI: 10.34670/AR.2026.80.92.015

Ключевые слова

Экзистенциальная изоляция, одиночество, отчуждение, экзистенциальная психология, психометрия, субъективный опыт, методология, несоразделённость опыта.

Введение

Проблема изоляции человека занимает значимое место в экзистенциальной психологии, психотерапии, общей психологии и психологии личности. В отличие от социальной изоляции, фиксирующей объективный дефицит контактов, экзистенциальная изоляция относится к более глубокому уровню человеческого существования — невозможности полностью передать другому человеку собственный опыт жизни, смерти, выбора, ответственности, вины и поиска смысла. В классической экзистенциальной традиции И. Ялом рассматривал изоляцию наряду со смертью, свободой и бессмысленностью как одну из предельных данностей человеческого бытия [Ялом, 1999]. Это положение сохраняет теоретическую значимость, однако современная психология всё чаще ставит вопрос о том, как данное переживание может быть концептуализировано, измерено и использовано в клинико-психологическом исследовании.

В последние десятилетия экзистенциальная изоляция вышла за пределы преимущественно философско-клинического описания. Разработка Шкалы экзистенциальной изоляции (Existential Isolation Scale, EIS) позволила рассматривать её как эмпирически измеряемый конструкт, связанный с переживанием того, что другие люди не разделяют и не способны понять субъективный опыт индивида [Pinel, Long, Murdoch, Helm, 2017]. В дальнейшем модель ситуативной и диспозиционной экзистенциальной изоляции (State-Trait Existential Isolation Model, STEIM) предложила различать ситуативное и устойчивое измерения данного феномена [Helm et al., 2019]. Благодаря этому экзистенциальная изоляция стала предметом социально-психологических и клинико-психологических исследований, в которых анализируются её связи с депрессией, суицидальной идеацией, привязанностью, групповой принадлежностью и терапевтическими отношениями [Helm et al., 2020a; Helm et al., 2020b; Pinel et al., 2022; Storey et al., 2022].

Актуальность темы определяется также тем, что экзистенциальная изоляция оказывается чувствительной к современным условиям социальной фрагментации, культурных конфликтов, кризисов идентичности и дефицита признания субъективного опыта. Исследования показывают её связь с особенностями обработки экзистенциальной угрозы, в том числе с доступностью мыслей о смерти (death thought accessibility) [Helm et al., 2019b]. Для отечественной психологии проблема имеет дополнительное значение: эмпирическое изучение феномена долгое время было ограничено отсутствием валидизированных русскоязычных инструментов. Адаптация русскоязычной версии EIS стала важным шагом для включения российских исследований в международный научный контекст [Аверина, Лебедева, 2024], одновременно обозначив вопрос о границах психометрической операционализации феномена.

Цель настоящей статьи — систематизировать современные подходы к изучению экзистенциальной изоляции в проблемном поле общей психологии и психологии личности и выявить ключевые методологические противоречия в её понимании, измерении и интерпретации. Научная новизна работы состоит в рассмотрении экзистенциальной изоляции как многоуровневого феномена, находящегося на пересечении онтологического, феноменологического, межличностного, культурного и клинико-психологического уровней анализа.

Методы

Исследование выполнено в формате критико-аналитического обзора научной литературы. Материалом анализа стали отечественные и зарубежные публикации, посвящённые

экзистенциальной изоляции, экзистенциальному одиночеству, социальной и эмоциональной изоляции, отчуждению, субъективной непонятости, психометрическим инструментам оценки экзистенциальных феноменов и клинико-психологическим последствиям нарушенной связанности.

Отбор литературы осуществлялся на основе анализа публикаций, представленных в базах данных Web of Science, Scopus, PsycINFO, ScienceDirect, SpringerLink, eLIBRARY и Google Scholar, а также в ведущих психологических журналах. Использовались ключевые запросы: «existential isolation», «existential loneliness», «Existential Isolation Scale», «State-Trait Existential Isolation Model», «экзистенциальная изоляция», «экзистенциальное одиночество», «отчуждение», «несоразделённость опыта». Глубина анализа охватывала классические теоретические работы и современные исследования с акцентом на публикации последних лет.

Приоритет отдавался источникам, в которых понятие экзистенциальной изоляции или экзистенциального одиночества получало теоретическую, эмпирическую или психометрическую разработку. Особое внимание уделялось работам, где представлены EIS, STEIM, новые шкалы экзистенциального одиночества, русскоязычная адаптация EIS, а также исследования, раскрывающие феномен в контексте психотерапии, ментального здоровья и культурной принадлежности [Аверина, Лебедева, 2024; Hadeei, 2024; Helm et al., 2019a; McKenna-Plumley et al., 2024; Pinel, Long, Murdoch, Helm, 2017]. Задача строгого систематического обзора с процедурой PRISMA не ставилась; анализ был направлен на концептуальное обобщение исследовательского поля и выявление его методологических противоречий.

Результаты

В результате анализа литературы были выделены три исследовательские традиции и пять проблемных узлов, определяющих современное понимание экзистенциальной изоляции. К основным традициям относятся экзистенциально-философская, клинико-психотерапевтическая и социально-психологическая. Первая рассматривает изоляцию как фундаментальную отдельность человека; вторая — как переживание невозможности окончательного слияния с другим и невозможности переложить ответственность за собственное существование; третья — как субъективное чувство непонятости и отсутствия разделённой реальности. В этой логике сохраняет значение различие И. Яломом межличностной, внутриличностной и экзистенциальной изоляции [Ялом, 1999]. Современные авторы дополняют эту линию положениями теории управления страхом смерти (terror management theory), связывая экзистенциальную изоляцию с особенностями переживания смертности и поиска символической защищённости [Helm et al., 2019b].

Первый проблемный узел связан с концептуализацией и измерением феномена. В работах E.C. Pinel, A.E. Long, E.Q. Murdoch и P.J. Helm экзистенциальная изоляция определяется как чувство одиночества в собственном опыте реальности, когда человеку кажется, что другие не разделяют его переживание и не способны понять его перспективу [Pinel, Long, Murdoch, Helm, 2017]. На этой основе была создана EIS, включившая феномен в пространство эмпирической психологии. STEIM уточнила динамику конструкта, предложив различать ситуативную (state) и диспозиционную (trait) экзистенциальную изоляцию [Helm et al., 2019a]. Ситуативная форма может возникать после утраты, травмы, жизненного кризиса или столкновения с непониманием;

диспозиционная описывает более устойчивое чувство оторванности от других людей. Дополнительно показано, что половые различия в выраженности экзистенциальной изоляции могут быть связаны с интериоризацией коммунальных ценностей и социальными нормами эмоционального самораскрытия [Helm et al., 2018].

Второй узел образует разграничение экзистенциальной изоляции, одиночества и экзистенциального одиночества. Одиночество обычно понимается как болезненное переживание дефицита желаемых социальных отношений; в отечественной традиции подчёркивается, что оно может включать не только дефицитарные, но и ресурсные аспекты уединения [Осин, Леонтьев, 2013]. Экзистенциальное одиночество в зарубежной литературе чаще связывается с переживанием конечности, потери смысла, предельной отделённости и невозможности полностью разделить опыт страдания, болезни, старения или умирания [Mayers, Khoo, Svartberg, 2002]. Сравнительные исследования показывают, что социальное, эмоциональное и экзистенциальное одиночество являются взаимосвязанными, но различимыми измерениями [van Tilburg, 2021]. Разработка новых шкал экзистенциального одиночества подтверждает движение поля от общих шкал одиночества к более дифференцированным инструментам [Hadeei, 2024; McKenna-Plumley et al., 2024].

Третий и четвёртый проблемные узлы связаны с клинико-психологическими и социально-культурными коррелятами. Исследования Р.Ж. Хелм и соавторов показывают, что экзистенциальная изоляция и одиночество независимо предсказывают депрессию и суицидальную идеацию у молодых взрослых, а их сочетание связано с наиболее выраженной депрессивной симптоматикой [Helm et al., 2020b]. Другие работы указывают на связь экзистенциальной изоляции с небезопасными стратегиями привязанности, особенно с избегающей; мини-мета-анализ подтверждает малый или умеренный эффект для этой связи [Helm et al., 2020a]. Социально-психологические исследования демонстрируют, что феномен может усиливаться у представителей ненормативных или маргинализированных групп, чей опыт не получает достаточного социального признания [Pinel et al., 2022]. В этой логике борьба за валидацию убеждений и картины мира рассматривается как способ снижения переживания субъективной одиночности [Long et al., 2022].

Пятый узел относится к психотерапевтическому и методологическому осмыслению феномена. Storey и соавторы показали, что качество терапевтического альянса у мужчин, имевших опыт психотерапии, связано с меньшей выраженностью дистресса и суицидальности, причём эта связь опосредуется снижением экзистенциальной изоляции [Storey et al., 2022]. Психотерапия в данном контексте выступает не только как пространство когнитивной или поведенческой коррекции, но и как пространство восстановления опыта понятиости и признания. С теоретической точки зрения речь идёт о переживании разделённой субъективности, обозначаемом в зарубежной литературе как I-sharing [Pinel, Long, Murdoch, Helm, 2017].

В отечественной психологии важным шагом стала адаптация русскоязычной версии EIS. Аверина и Лебедева показали, что шкала обладает приемлемыми психометрическими характеристиками, однофакторной структурой и удовлетворительной конструктивной валидностью [Аверина, Лебедева, 2024]. Одновременно отечественные обзоры подчёркивают, что современные исследования экзистенциальной изоляции развиваются в двух относительно самостоятельных направлениях — количественном социально-психологическом и качественном феноменологическом, — а их интеграция остаётся актуальной задачей [Аверина,

2024]. Дополнительным теоретическим ресурсом выступают исследования экзистенциальной исполненности, позволяющие сопоставлять экзистенциальную изоляцию с дефицитом фундаментальных мотиваций и нарушением отношения человека к миру, себе и другим [Шумский и др., 2016].

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет выделить пять методологических противоречий, определяющих современное состояние исследований экзистенциальной изоляции. Первое связано с напряжением между онтологическим и психометрическим статусом феномена. В экзистенциальной психологии изоляция описывает базовую структуру человеческого существования: человек рождается, выбирает, страдает и умирает в определённом смысле один [Ялом, 1999]. Эмпирическая психология, однако, не измеряет онтологическую структуру бытия непосредственно; она фиксирует самоотчёт, переживание, установки, корреляты или последствия. Поэтому перевод экзистенциальной изоляции в шкальные показатели неизбежно сопровождается сужением исходного понятия. На примере EIS видно, что шкала продуктивно измеряет компонент несоразделённости субъективного опыта, но слабее захватывает такие аспекты, как одиночество перед смертью, невозможность переложить ответственность за выбор, переживание вины и конечность существования [Pinel, Long, Murdoch, Helm, 2017].

Из этого вытекает второе противоречие — разграничение экзистенциальной изоляции и одиночества. Эти феномены пересекаются, поскольку оба связаны с дефицитом связанности, однако их психологические основания различны. Одиночество чаще соотносится с неудовлетворённостью социальными отношениями, тогда как экзистенциальная изоляция может сохраняться при наличии семьи, друзей, коллег и формальной поддержки [Осин, Леонтьев, 2013; Helm et al., 2020b]. Методологически это означает, что классические шкалы одиночества могут не выявлять клинически значимые случаи субъективной непонятости. Поэтому современные исследования стремятся дифференцировать социальное, эмоциональное и экзистенциальное измерения одиночества, не растворяя одно в другом [van Tilburg, 2021].

Третье противоречие касается границы между нормой и патологией. Если экзистенциальная изоляция является универсальной характеристикой человеческого существования, её нельзя автоматически считать симптомом. Осознание собственной отдельности может быть условием зрелости, автономии, творчества и ответственности, что согласуется с экзистенциальной и гуманистической традициями [Шумский и др., 2016; Ялом, 1999]. Вместе с тем хроническое и эмоционально невыносимое переживание непонятости способно становиться фактором депрессии, тревоги, отчуждения и суицидальной идеации [Helm et al., 2020b; Storey et al., 2022]. Следовательно, необходимо различать экзистенциальную изоляцию как предельную данность, её осознание как возможный ресурс развития и её деструктивную форму как клинко-психологический риск.

Четвёртое противоречие связано с культурной обусловленностью феномена. С одной стороны, уникальность субъективного опыта универсальна; с другой — интенсивность и формы переживания изоляции зависят от культурной среды. В одних контекстах автономия и уникальность поддерживаются как ценность, в других несоответствие групповым нормам усиливает чувство невидимости и непризнанности [Pinel et al., 2022]. Данные о роли

коммунальных ценностей в половых различиях экзистенциальной изоляции также показывают, что социальные нормы и культурные сценарии влияют на возможность переживания разделённости опыта [Helm et al., 2018]. Для российского контекста это особенно важно, поскольку культурно-исторические особенности отношения к субъективности, уязвимости и эмоциональному самораскрытию могут модифицировать структуру феномена [Аверина, 2024].

Пятое противоречие относится к методологии исследования. Количественные опросники позволяют выявлять связи, проверять модели и сравнивать группы, но ограничены заранее заданными формулировками. Качественные феноменологические исследования лучше раскрывают глубину переживания, однако труднее поддаются обобщению [Аверина, 2024]. Наиболее перспективной представляется стратегия, при которой психометрические данные дополняются нарративными интервью, тематическим анализом и клиническим описанием. Такой подход позволяет сохранить эмпирическую проверяемость конструкта и одновременно приблизить исследование к содержательной реальности субъективного опыта.

С учётом выявленных противоречий экзистенциальную изоляцию целесообразно рассматривать как многоуровневый феномен. Онтологический уровень описывает фундаментальную отдельность человека как условие бытия; феноменологический раскрывает переживание непередаваемости опыта от первого лица; межличностный связан с возможностью или невозможностью быть понятым в конкретных отношениях; культурный определяет, какие формы опыта получают язык выражения и социальное признание; клинико-психологический отражает последствия хронической несоразделённости для психического благополучия. Такая модель позволяет избежать как редукции феномена до обычного одиночества, так и чрезмерной философизации, делающей его недоступным для эмпирического анализа.

Заключение

Проведённый критико-аналитический обзор позволяет сформулировать обобщающие выводы о современном состоянии исследований экзистенциальной изоляции. Экзистенциальная изоляция является самостоятельным и методологически сложным психологическим феноменом, значимость которого определяется тем, что он затрагивает базовые условия человеческого существования и одновременно проявляется в конкретных межличностных, культурных и клинико-психологических контекстах. Её специфическое содержание связано с переживанием принципиальной несоразделённости субъективного опыта и невозможности быть полностью понятым другим человеком.

Основные методологические противоречия современного изучения феномена заключаются в расхождении между онтологическим и психометрическим пониманием изоляции, в необходимости её разграничения с одиночеством и отчуждением, в неопределённости границы между нормативным и деструктивным переживанием отдельности, в культурной обусловленности субъективной непонятости, а также в разрыве между количественной и качественной методологией. Эти противоречия не свидетельствуют о слабости исследовательского поля; напротив, они указывают на его развитие и необходимость более точных теоретических и диагностических решений.

Научная новизна проведённого анализа состоит в обосновании многоуровневого понимания экзистенциальной изоляции, объединяющего онтологический, феноменологический, межличностный, культурный и клинико-психологический уровни. Перспективы дальнейших

исследований связаны с проведением лонгитюдных и кросс-культурных работ, уточнением диагностических инструментов, изучением феномена в клинических и уязвимых группах, а также анализом роли психотерапевтических отношений в снижении деструктивных форм субъективной несоразделённости.

Дальнейшая разработка проблемы экзистенциальной изоляции может способствовать уточнению категориального аппарата общей психологии и психологии личности, а также развитию более чувствительных методов исследования предельных форм человеческого опыта.

Библиография

1. Аверина П.А. Современные традиции в качественных и количественных исследованиях экзистенциальной изоляции и путей её преодоления // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 140-150. DOI: 10.17759/jmfp.2024130413.
2. Аверина П.А., Лебедева А.А. Шкала экзистенциальной изоляции: адаптация русскоязычной версии EIS // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 4. С. 103-113. DOI: 10.11621/nprj.2024.0407.
3. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55-81. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-1-55-81.
4. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763-788. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-4-763-788.
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.
6. Hadeei S. Development and validation of a new measurement scale for existential loneliness // Assessment. 2024. Vol. 31. № 5. P. 1100-1113. DOI: 10.1177/10731911231204831.
7. Helm P.J., Greenberg J., Park Y.C., Pinel E.C. Feeling alone in your subjectivity: Introducing the State-Trait Existential Isolation Model (STEIM) // Journal of Theoretical Social Psychology. 2019a. Vol. 3. № 3. P. 146-157. DOI: 10.1002/jts5.41.
8. Helm P.J., Jimenez T., Bultmann M.N., Lifshin U., Greenberg J., Arndt J. Existential isolation, loneliness, and attachment in young adults // Personality and Individual Differences. 2020a. Vol. 159. Article 109890. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109890.
9. Helm P.J., Lifshin U., Chau R., Greenberg J. Existential isolation and death thought accessibility // Journal of Research in Personality. 2019b. Vol. 82. Article 103845. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103845.
10. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J.B., Greenberg J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults // Journal of Social and Clinical Psychology. 2020b. Vol. 39. № 8. P. 641-674. DOI: 10.1521/jscp.2020.39.8.641.
11. Helm P.J., Rothschild L.G., Greenberg J., Croft A. Explaining sex differences in existential isolation research // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 134. P. 283-288. DOI: 10.1016/j.paid.2018.06.032.
12. Long A.E., Pinel E.C., Daily J.R., Costello A.E. Existential isolation and the struggle for belief validation // British Journal of Social Psychology. 2022. Vol. 61. № 2. P. 491-509. DOI: 10.1111/bjso.12492.
13. Mayers A.M., Khoo S.T., Svartberg M. The Existential Loneliness Questionnaire: Background, development, and preliminary findings // Journal of Clinical Psychology. 2002. Vol. 58. № 9. P. 1183-1193. DOI: 10.1002/jclp.10038.
14. McKenna-Plumley P.E., Turner R.N., Yang K., Groarke J.M. The brief scale of existential loneliness: Scale development and psychometric evaluation // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 42. P. 32907-32920. DOI: 10.1007/s12144-024-06828-2.
15. Pinel E.C., Helm P.J., Yawger G.C., Long A.E., Schametzki L. Feeling out of (existential) place: Existential isolation and nonnormative group membership // Group Processes & Intergroup Relations. 2022. Vol. 25. № 4. P. 990-1010. DOI: 10.1177/1368430221999084.
16. Pinel E.C., Long A.E., Murdoch E.Q., Helm P.J. A prisoner of one's own mind: Identifying and understanding existential isolation // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 105. P. 54-63. DOI: 10.1016/j.paid.2016.09.024.
17. Storey Q.K., Kealy D., Seidler Z.E., Oliffe J.L., Rice S.M., Ogrodniczuk J.S. Connecting and healing: The role of existential isolation in mediating the impact of the therapeutic relationship on Canadian men's mental health outcomes // American Journal of Men's Health. 2022. Vol. 16. № 6. Article 15579883221136980. DOI: 10.1177/15579883221136980.
18. van Tilburg T.G. Social, emotional, and existential loneliness: A test of the multidimensional concept // The Gerontologist. 2021. Vol. 61. № 7. P. e335-e344. DOI: 10.1093/geront/gnaa082.

Existential Isolation as a Psychological Phenomenon: Current State of Research and Methodological Contradictions

Dmitrii D. Aprelikov

Postgraduate Student,
Moscow International Academy,
125040, 44, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aprelikovd@bk.ru

Abstract

The article presents a critical-analytical review of modern research on existential isolation as a psychological phenomenon. The relevance of the topic is determined by the growing interest in the existential foundations of loneliness, alienation, and impaired interpersonal connectedness. The aim of the work is to systematize the main directions in the study of existential isolation and to identify methodological contradictions in its conceptualization and measurement. The study is carried out as a review-analytical generalization of domestic and foreign publications. The scientific novelty lies in the comparison of philosophical-clinical, phenomenological, and psychometric traditions and in substantiating a multilevel understanding of the phenomenon. It is shown that existential isolation describes the experience of a fundamental non-sharedness of subjective experience. It is concluded that its further study requires a combination of psychometric, phenomenological, and clinical-psychological approaches.

For citation

Aprelikov D.D. (2026) *Ekzistentsial'naya izolyatsiya kak psikhologicheskiy fenomen: sovremennoe sostoyanie issledovaniy i metodologicheskie protivorechiya* [Existential Isolation as a Psychological Phenomenon: Current State of Research and Methodological Contradictions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (4A), pp. 108-116. DOI: 10.34670/AR.2026.80.92.015

Keywords

Existential isolation, loneliness, alienation, existential psychology, psychometrics, subjective experience, methodology, non-sharedness of experience.

References

1. Averina, P. A. (2024). *Sovremennyye traditsii v kachestvennykh i kolichestvennykh issledovaniyakh ekzistentsialnoy izolyatsii i putey yeyo preodoleniya* [Modern trends in qualitative and quantitative studies of existential isolation and paths to overcoming it]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 13(4), 140-150. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130413>
2. Averina, P. A., & Lebedeva, A. A. (2024). *Shkala ekzistentsialnoy izolyatsii: adaptatsiya russkoyazychnoy versii EIS* [Existential Isolation Scale: Russian adaptation of the EIS]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 19(4), 103-113. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0407>
3. Hadeei, S. (2024). Development and validation of a new measurement scale for existential loneliness. *Assessment*, 31(5), 1100-1113. <https://doi.org/10.1177/10731911231204831>
4. Helm, P. J., Greenberg, J., Park, Y. C., & Pinel, E. C. (2019a). Feeling alone in your subjectivity: Introducing the State-Trait Existential Isolation Model (STEIM). *Journal of Theoretical Social Psychology*, 3(3), 146-157. <https://doi.org/10.1002/jts5.41>

5. Helm, P. J., Jimenez, T., Bultmann, M. N., Lifshin, U., Greenberg, J., & Arndt, J. (2020a). Existential isolation, loneliness, and attachment in young adults. *Personality and Individual Differences*, 159, Article 109890. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109890>
6. Helm, P. J., Lifshin, U., Chau, R., & Greenberg, J. (2019b). Existential isolation and death thought accessibility. *Journal of Research in Personality*, 82, Article 103845. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.103845>
7. Helm, P. J., Medrano, M. R., Allen, J. J. B., & Greenberg, J. (2020b). Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 39(8), 641-674. <https://doi.org/10.1521/jscp.2020.39.8.641>
8. Helm, P. J., Rothschild, L. G., Greenberg, J., & Croft, A. (2018). Explaining sex differences in existential isolation research. *Personality and Individual Differences*, 134, 283-288. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.032>
9. Long, A. E., Pinel, E. C., Daily, J. R., & Costello, A. E. (2022). Existential isolation and the struggle for belief validation. *British Journal of Social Psychology*, 61(2), 491-509. <https://doi.org/10.1111/bjso.12492>
10. Mayers, A. M., Khoo, S. T., & Svartberg, M. (2002). The Existential Loneliness Questionnaire: Background, development, and preliminary findings. *Journal of Clinical Psychology*, 58(9), 1183-1193. <https://doi.org/10.1002/jclp.10038>
11. McKenna-Plumley, P. E., Turner, R. N., Yang, K., & Groarke, J. M. (2024). The brief scale of existential loneliness: Scale development and psychometric evaluation. *Current Psychology*, 43(42), 32907-32920. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06828-2>
12. Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2013). Differentsialnyy oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoystva [Differential Inventory of Loneliness Experience: Structure and properties]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 10(1), 55-81. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2013-1-55-81>
13. Pinel, E. C., Helm, P. J., Yawger, G. C., Long, A. E., & Schametzki, L. (2022). Feeling out of (existential) place: Existential isolation and nonnormative group membership. *Group Processes & Intergroup Relations*, 25(4), 990-1010. <https://doi.org/10.1177/1368430221999084>
14. Pinel, E. C., Long, A. E., Murdoch, E. Q., & Helm, P. J. (2017). A prisoner of one's own mind: Identifying and understanding existential isolation. *Personality and Individual Differences*, 105, 54-63. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.09.024>
15. Shumsky, V. B., Ukolova, E. M., Osin, E. N., & Lupandina, Y. D. (2016). Diagnostika ekzistentsialnoy ispolnennosti originalnaya russkoyazychnaya versiya testa ekzistentsialnykh motivatsiy [Diagnostics of existential fulfillment: The original Russian version of the Existential Motivations Test]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 13(4), 763-788. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788>
16. Storey, Q. K., Kealy, D., Seidler, Z. E., Oliffe, J. L., Rice, S. M., & Ogradniczuk, J. S. (2022). Connecting and healing: The role of existential isolation in mediating the impact of the therapeutic relationship on Canadian men's mental health outcomes. *American Journal of Men's Health*, 16(6), Article 15579883221136980. <https://doi.org/10.1177/15579883221136980>
17. van Tilburg, T. G. (2021). Social, emotional, and existential loneliness: A test of the multidimensional concept. *The Gerontologist*, 61(7), e335-e344. <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa082>
18. Yalom, I. (1999). Ekzistentsialnaya psikhoterapiya [Existential psychotherapy] (T. S. Drabkina, Trans.). Nezavisimaya firma "Klass". (Original work published 1980)